

На правах рукописи

Сальманов Азат Салаватович

**БАШКИРСКОЕ ПЛЕМЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ТАБЫН:
ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

Специальность 07.00.07 – этнография,
этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2017

Работа выполнена в отделе этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.

Научный руководитель: Псянчин Айбулат Валиевич доктор географических наук, Уфимский научный центр Российской академии наук заведующий (г. Уфа).

Официальные оппоненты: Исхаков Дамир Мавлявеевич доктор исторических наук, Институт истории им. Ш.Марджани Академии Наук Республики Татарстан, Отдел этнологических исследований, главный научный сотрудник (г. Казань).

Юсупов Юлдаш Мухамматович кандидат исторических наук, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Центр социокультурного анализа, руководитель (г. Уфа).

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Защита состоится 20 декабря 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.171.03 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 407.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 199034, 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б и на сайте <http://dissovet.udsu.ru/board/d-999-171-03>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://dissovet.udsu.ru/board/d-999-171-03>.

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Г.Н. Журавлева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Активная разработка проблемы происхождения башкирского народа в отечественной исторической науке до настоящего времени не имеет общепринятой законченной концепции. Одной из основных причин этого является недостаточная степень изученности происхождения и роли отдельных этнографических групп и крупных племенных объединений в этнической истории башкир. В научной литературе на данную причину указывали еще в 1960-х годах¹, но специальных исследований, посвященных происхождению и этнической истории отдельных этнографических групп, племён и родов, за исключением монографии С.И. Хамидуллина «Бурджаны в истории Евразии»², в которой показаны происхождение и этнополитическая история башкирского племени *бурзян*.

Башкирское племенное объединение *табын* является сложным и разнородным по составу и крупнейшим по численности (в начале XVIII в. башкирские *табынцы* составляли почти четвертую часть всего башкирского населения) внутриэтническим образованием башкир, сыгравшим важную роль в этногенезе данного народа. Свидетельством существования в прошлом крупного табынского союза в составе башкир является распространение табынских племён и родов на обширной территории. Сегодня *табынцы* компактно проживают в Архангельском, Аскинском, Аургазинском, Белорецком, Гафурийском, Кармаскалинском, Татышлинском и Учалинском районах Республики Башкортостан, в Аргаяшском, Миасском, Сосновском районах Челябинской области, отдельными группами они населяют юг Пермского края, Курганскую, Оренбургскую, Саратовскую и Самарскую области Российской Федерации³.

Следует подчеркнуть, что такого ареала расселения, как у *табынцев*, не отмечается ни у одной другой родоплеменной группы башкир. Кроме того, сложная племенная организация⁴ делает объединение *табын* особенным внутри башкирской общности. Его особенностью является и то, что восточные (зауральские) *табынцы* до конца XVII в. продолжали находиться в западносибирской этнополитической системе кочевников, заложенной Шибанидами, в то время как большинство башкирских родоплеменных образований вошли в состав Российского государства во второй половине XVI в.

В дореволюционной историографии башкирский народ изучался как одно целое. Но с накоплением различного материала в советский период исследователи начали выделять отдельные этнографические группы. В связи с этим началось изучение различных родоплеменных образований башкир. Так, в трудах Р.Г. Кузеева подробно рассматривается происхождение и этническая история всех известных башкирских родоплеменных образований, в том числе объединения *табын*. Однако учёный, выделяя башкирских *табынцев* как тюркскую общность, не пытается развивать другие гипотезы. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть происхождение башкирского племенного объединения *табын* не только с точки зрения господствующей в литературе тюркской гипотезы, но и с точки зрения монгольской, угро-самодийской и индоиранской.

Таким образом, выбор темы и её актуальность обусловлены необходимостью всестороннего комплексного изучения башкирского племенного объединения *табын* для повышения уровня научной дискуссии, касающейся проблемы этногенеза башкирского народа.

¹ Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры / Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964. С. 121; Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры / Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964. С. 101.

² Хамидуллин С.И. Бурджаны в истории Евразии. Уфа: Гилем, 2013. 219 с.

³ Янгузин Р.З. Башкирские племена. Уфа: Китап, 1998. С. 82. (Рисунок 1).

⁴ Юсупов Р.М. Башкирское общество: внутренняя организация и структура // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 164.

Объектом исследования является башкирское племенное объединение *табын*. В организации башкирских *табынцев* Р.Г. Кузеевым выделяется трехзвенная родоплеменная структура (родовое подразделение, род и племя)⁵, и пятизвенная в группировке отдельного табынского рода *кара-табын* (группа родственных семей, родовое подразделение, дочерний род, род и племя). Однако в данной работе объединение *табын* рассматривается по классификации Р.М. Юсупова: 1) родовое подразделение; 2) род; 3) племя; 4) союз племён⁶. Границы между перечисленными звеньями достаточно условны. Это связано с постоянной сегментацией рода и выделением из него новых родовых подразделений, а также разрастанием отдельных родовых подразделений до размеров рода.

Предмет исследования – происхождение и формирование башкирского племенного объединения *табын*.

Территориальные рамки исследования охватывают Центральную и Среднюю Азию, Южную и Западную Сибирь, Волго-Уральский регион. Выбор данной территории обусловлен тем, что объединение *табын* в ходе своей этнической и этнополитической истории выступает как отдельный субъект в составе или в союзе с тюркскими, монгольскими и угро-самодийскими этническими образованиями (*усуни, теле, енисейские кыргызы, та-табы, караханиды, карлуки, кимаки, кипчаки*), этническая история которых имеет непосредственное отношение к поставленным исследовательским задачам.

Хронологические рамки исследования – с середины I тыс. н.э. до первой половины XVIII в. Предки башкирского племенного объединения *табын* связываются исследователями с племенем *дубо*, которое начинает фигурировать с V в. в «Вэй шу» (386-550 гг.) и «Тан шу» (618-907 гг.)⁷. Известные этнические связи *табынцев* с *усунями*, древними уйгурами и кыргызами выводят этническую историю *табынцев* к раннему Средневековью, связи с *караханидами* и *кипчаками* к высокому Средневековью, а активное участие *табынцев* в эпоху монгольского владычества в политической жизни Западной Сибири и Зауралья – к позднему Средневековью. Этническая и этнополитическая история башкирских *табынцев* рассматривается до их окончательного вхождения в состав Российской империи, и до полной интеграции восточных (зауральских) *табынцев* в этнополитическую структуру башкирского этноса (первая половина XVIII в.).

Степень научной разработанности проблемы. На основе проблемно-хронологического принципа в историографии исследуемой темы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

К дореволюционному периоду относятся самые ранние сведения о башкирских *табынцах*: это записи П.И. Рычкова и В.Н. Татищева (XVIII в.). Первый указал на место обитания табынских родов среди башкир, проживающих на Ногайской и Сибирской дорогах⁸, а В.Н. Татищев коснулся темы происхождения башкирских *табынцев*, предположив, что Клавдий Птолемей под *тибиаками* и *табеитами* имел ввиду башкирских *табынцев*⁹.

Более развернутые сведения представлены в литературе, относящейся к XIX в. Так, М.И. Уметбаев, говоря об угорском происхождении башкир, в том числе и башкирского племени *табын*, впервые написал о башкирских *табынцах*, как о крупном племенном объединении, состоящим из 17 племён¹⁰, а исследователь истории тюркских народов

⁵ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменная организация башкир в XVII-XVIII вв. / Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов: в 7 т. Т. 1 // ИЭИ УНЦ РАН; [предисл. А.Б. Юнусовой]. Уфа: Китап, 2015. С. 165.

⁶ Юсупов Р.М. Башкирское общество: внутренняя организация и структура. С. 164.

⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 216, 301.

⁸ Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. I. СПб, 1762. С. 95-97.

⁹ Татищев В.Н. История Российская: [В 3 т.]. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 179.

¹⁰ Уметбаев М.И. Памятки. Уфа, 1984. С. 219.

Н.А. Аристов, придавая *табынцам* важное значение в этнической истории башкирского народа в целом, отмечал, что они играли большую роль на всех этапах этнической истории зауральских башкир¹¹. Заслуживают внимания и записи В. Лоссиевского, попытавшегося объяснить этноним «табын» с этимологической точки зрения¹².

Несмотря на то, что в приведенных работах мало уделялось внимание теоретическим вопросам и отсутствует критический анализ материала, они и сегодня представляют определенный интерес, так как содержат различный фактологический материал. Так, в дореволюционный период исследователи активно начинают использовать антропологические данные. Наибольшей полнотой в изучении физического типа башкир, в том числе *табынцев*, отличается труд С.И. Руденко «Башкиры. Опыт этнологической монографии. Часть I. Физический тип башкир»¹³, вышедший в 1916 г. Разделив башкирские племена на 14 групп по принципу географической близости и отчасти сходствам физических черт, башкирских *табынцев*, С.И. Руденко выделил в три группы: «тамьяно-табынскую» (включающую *тангаурцев*), «кара-барын-табынскую» (включающую *куваканцев*) и собственно «табынскую».

В первой половине XX в. в научной среде отмечается ослабление интереса к исследуемой теме. Наверно правильным будет назвать С.И. Руденко единственным учёным, продолжившего свои исследования. Он подробно описал в целом этнографию, быт и хозяйство башкир, в частности, показав процесс кочевания башкирских *табынцев*¹⁴.

Во второй половине XX в. усиливается интерес к происхождению и этнической истории отдельных башкирских родоплеменных образования. Появляется ряд публикаций башкирских исследователей, где напрямую рассматриваются проблемы происхождения и этнической истории башкирского племенного объединения *табын*.

В 1962 г. был издан коллективный очерк Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова и С.Н. Шитовой «Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.)»¹⁵, где затрагиваются проблемы происхождения зауральских башкир и собственно *табынцев*. Авторы считают, что по происхождению табынские роды восходят к древнетюркским и монгольским племенам, обитавшим в середине I тыс. н.э. на Алтае и в Западной Монголии. Эта работа, основанная на материалах, собранных этнографической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР, во многом напоминает фундаментальные труды С.И. Руденко о башкирах.

В этот период в историю изучения происхождения и этнической истории башкирских *табынцев* неопределимый вклад внёс Р.Г. Кузеев. На основе материалов этнографических экспедиций и архивных данных этнограф разработал теорию происхождения башкирского народа, отражённой в его монографиях. Им были введены в научный оборот многие неизвестные ранее фольклорные и генеалогические источники: башкирские предания, легенды, тамговые знаки и шежере (родословная), названной им «генеалогической летописью»¹⁶. Учёный на основе собственных полевых материалов и архивных данных дал развернутую характеристику *табынцам*, которую он представил в книге «Происхождение башкирского народа», посвящённой изучению этногенеза и

¹¹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III, IV. СПб., 1896. С. 287.

¹² Лоссиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам (Историко-этнографический очерк) // Справочная книжка Уфимской губернии (1882-1883). Уфа, 1883. С. 372.

¹³ Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. I. Физический тип башкир. Пг., 1916. 312 с.

¹⁴ Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2: Быт башкир // Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925. 330 с.

¹⁵ Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 171-267.

¹⁶ Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г. Кузеев. Уфа: Баш. книг. изд., 1960. 304 с.

этнической истории башкир¹⁷. Рассматривая вопросы происхождения и формирования родоплеменных образований башкирского народа, отдельный раздел книги он посвятил и племенному объединению *табын*.

Придерживаясь позиции М.И. Уметбаева о существовании отдельного племенного объединения *табын*, Р.Г. Кузеев расширил сведения об этнической истории *табынцев*, связанной со средневековыми *дулатами* и *усунями*. В то же время этнограф предполагал, что средневековый народ *та-табы* (*татабы*), отмеченный в тюркских письменных памятниках, является древним тюркским названием племени *табын*. Однако, склоняясь к тюркской гипотезе происхождения *табынцев*, он вскользь упоминает версию о древнемонгольском происхождении *табынцев*¹⁸, которых считал родственным этническим образованием древним монголоязычным *киданиям*.

Материалы, необходимые для решения поставленных задач, содержатся и в исследованиях, посвященных хозяйству и традиционной культуре башкир (С.Н. Шитова¹⁹ и Н.В. Бикбулатов²⁰).

В 1982 г. появляется статья Ф.Х. Хисамитдиновой²¹, где впервые выдвигается предположение о происхождении башкирских *табынцев* от древнего племени *дубо*, отмечаемого в составе средневекового объединения *теле*. Кроме того, она сопоставляет *табын* с указанным В.В. Радловым племенем «Уч-Табын», кочевавшем на одноимённой реке – одном из притоков Селенги. В связи с этим исследователь придерживается тюркского (уйгурского) происхождения башкирских *табынцев*.

В том же 1982 г. выходит в свет работа В.И. Васильева и С.Н. Шитовой «Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир)». На основе этнографических наблюдений и табынской этнонимии впервые высказывается мысль о самодийском происхождении башкирских *табынцев*: «В присутствии у них иной этнонимии, частично самодийской по происхождению, возможно, и скрывается разгадка формирования этого племенного союза, имевшего, без сомнения, сложную историю»²².

Кроме башкир племя *табын* имеется также у казахов Младшего жуза, которые значительной частью расселились вблизи от башкирских племён. Казахские *табынцы* преимущественно проживают в Актюбинской, Западно-Казахстанской и Кызылординской областях Республики Казахстан и сопредельных районах Республики Каракалпакстан. Древнее родство башкирских и казахских *табынцев* подтверждается всеми необходимыми атрибутами родоплеменного объединения: во-первых, тождеством этнонимов, уранов (военный клич), тамг и их названий; во-вторых, аналогичными преданиями, легендами и генеалогией²³.

Проблема происхождения казахских *табынцев*, рассматривается в работах С.А. Аманжолова²⁴, В.В. Вострова и М.С. Муканова²⁵, в которых казахские учёные, как и башкирский этнограф Р.Г. Кузеев, особое значение придают этническому родству *табынцев* с казахским племенем *дулат*, выводя их происхождение к алтайским тюркам.

Таким образом, советский период характеризуется полевыми исследованиями, благодаря которым был собран значительный этнографический материал, а также

¹⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука. 1974. 572 с.

¹⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа... С. 255.

¹⁹ Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 49-94.

²⁰ Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981. 125 с.

²¹ Хисамитдинова Ф.Г. Об этнической обусловленности аномальных консонантных сочетаний башкирского языка / Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 68-82.

²² Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) / Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 32.

²³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа... С. 252.

²⁴ Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. 452 с.

²⁵ Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968. 256 с.

достаточно серьезной разработкой методологической и источниковой базой. В исследованиях расширился круг источников, например использование письменных исторических памятников («Чингиз-наме» и др.) и генеалогические данные (шежере). Кроме того, появляется теоретическое обоснование этногенетических процессов. Если в дореволюционный период на основе одного источника, например генеалогии того или иного народа, выстраивалась концепция его происхождения, то в советский период исследователи уже используют сравнительный метод и критический анализ, не позволяющий в вопросе этногенеза принимать за основу один источник. В советский период в исследовании этногенеза особое место начинают занимать данные археологии.

Новые взгляды и новые поиски в решении проблемы происхождения башкирских *табынцев* и их роль в этногенезе башкир проявились в публикациях, появившихся в постсоветский период. В работах Р.М. Юсупова раскрыта сложность родоплеменной структуры *табынцев*, сохранившаяся вплоть до XX в. Кроме того, он использовал антропологические данные (в том числе краниологические материалы) и впервые ввёл в научный оборот антропометрию по костным останкам башкир²⁶.

Д.Ж. Валеев в публикации «Судьба аргаяшских башкир: история и современность» указывает на Зауралье – как на «этническую колыбель» башкирских *табынцев*²⁷ и показывает непосредственное участие *табынцев* в этногенезе башкирского народа. Он придерживается теории А.-З. Валиди Тогана²⁸, связывавший происхождение башкир с территорией Алтая, Западной Сибири и Зауралья. Автор особо подчеркивает политическую активность *табынцев* и характеризует их как обладателей консолидирующей силой.

В последнее время все чаще появляются работы, где исследователи особо уделяют внимание этнополитической истории башкирского племенного объединения *табын*. По их мнению, башкирские *табынцы* имели свою государственность в Западной Сибири. Так, Р.Г. Буканова считает, что к западу от Иртыша находилось «Табынское ханство»²⁹. А.Б. Зарипов предполагает, что указанное ханство носило название «Табын иле» («страна *табынцев*»), так как в средневековых источниках, затрагивающих *табынцев*, всегда фигурирует обозначение «иль» (страна, племенной союз), которое могло обозначать суверенное государство или автономную территорию³⁰.

По мнению Д.Н. Маслюженко, в конце XV в. происходит раскол табынского объединения, сопровождавшийся миграциями табынских родов из Западной Сибири в Среднюю Азию и Приуралье, что напрямую оказало влияние на последующие процессы³¹. Другие исследователи, как, например, Ю.М. Юсупов³², Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова³³ показывают этнополитическую историю башкирских *табынцев* в эпоху Золотой Орды и в оставшихся после неё государственных образованиях (XV-XVI вв.), когда они вели активную политику в Западной Сибири, в Приуралье и Поволжье.

Интересен и вывод И.В. Зайцева, касающийся этнонима «табын». Он считает, что данный этноним восходит к слову «табин» из чагатайско-золотоордынской социальной

²⁶ Юсупов Р.М. Башкирское общество: внутренняя организация и структура. С. 155-186; Он же. Краниология башкир. Л.: Наука: Ленинг. отд-ние, 1989. 197, [1] с.: ил.

²⁷ Валеев Д.Ж. Судьба аргаяшских башкир: история и современность. Уфа: Гилем, 2002. С. 13.

²⁸ Валиди Тоган А.-З. История башкир; [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И. Тоган] (перевод с турецкого). Уфа: Китап, 2010. 352 с.

²⁹ Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. Уфа: Китап, 2010. С. 30.

³⁰ Зарипов А.Б. Табын Иле. URL: www.bashforum.net/index.php?/topic/4690-4690/ (дата публикации: 30.03.2008, дата обращения: 27.04.2015).

³¹ Маслюженко Д.Н. Представители племени табын в системе сибирской государственности шибанидов / Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири: сборник научных трудов. Астана: Мастер ПО, 2012. С. 198.

³² Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV-XVI веков. Уфа: Гилем, 2009. С. 151.

³³ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2010. С. 352.

терминологии, означающее «слуга, служитель»³⁴. Идею И.В. Зайцева поддержали и другие авторы. Так, историк Б.А. Азнабаев считает, что башкирские *табынцы* «являлись приверженцами иерархической модели общества», тяготевшими к государственным образованиям чингизидов³⁵, а В.В. Трепавлов отмечает, что башкирские *табынцы* (*каратобынцы*) были самыми преданными сторонниками Кучума³⁶.

В рассматриваемый период появились исследования, подтверждающие ранее высказанные идеи о происхождении *табын*: Р.З. Янгузин придерживался тюркской гипотезы Р.Г. Кузеева³⁷, Ш.Н. Исянгулов отмечает определённое угро-самодийское влияние³⁸. Ссылаясь на данные китайских и античных источников, Т.А. Акерев предполагает «динлинское происхождение» *табын*³⁹. Это, в известной мере, согласуется с результатами генетических исследований.

Для последних исследований характерно активное использование данных геногеографии (по полиморфизму Y-хромосомы). В коллективной статье «Родовые объединения северо-восточных башкир в свете данных геногеографии (по полиморфизму Y-хромосомы)» показан преобладающий у башкирских *табынцев* генетический маркер⁴⁰, характерный для носителей индоиранских языков. В.Г. Волков и другие в статье «Андроновская и тагарская культуры в свете генетических данных» говорят о сходстве гаплотипов башкирских племенных групп *табын* и *унлар* с гаплотипами носителей тагарской археологической культуры⁴¹. Методика использования результатов генетических исследований в изучении проблемы происхождения *табынцев* (башкирских и казахских) приведен казахским ученым Ж.М. Сабитовым⁴².

Таким образом, в постсоветский период появился ряд исследований с использованием новой методологической базы. К уже имеющимся антропологическим, археологическим, фольклорным и генеалогическим (шежере) источникам, добавились результаты генетических исследований, благодаря чему перед исследователями открылись новые перспективы в изучении вопросов этногенеза и этнического происхождения башкирского народа, а также происхождения его отдельных этнографических групп.

Обзор научной литературы по данной теме показывает, что к настоящему времени накоплено достаточное количество источникового материала, позволяющего изучать на новом качественном уровне вопросы формирования башкирского племенного объединения *табын*. Определено значение этнонима «табын» с позиции тюркского, монгольского, эвенкийского, ненецкого и кетского языков; показаны этнические связи *табынцев* с *дулатами*, *усунями*, древними уйгурами и кыргызами. Вместе с тем, ещё недостаточно изучены вопросы происхождения и этнической истории *табынцев*, в

³⁴ Зайцев И.В. Из чагатайско-золотоордынской социальной терминологии: «Табин» / Золотоордынское обозрение. № 1(3). Москва, 2014. С. 119.

³⁵ Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 270.

³⁶ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака. М.: Вост. лит., 2012. С. 26.

³⁷ Янгузин Р.З. Из истории башкирских племён. Уфа: Китап, 1995. 96 с.; Он же. Башкирские племена. Уфа: Китап, 1998. 96 с.

³⁸ Исянгулов Ш.Н. Предания и легенды «акташского» цикла как исторический источник (из истории башкир в домонгольский период). Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 65.

³⁹ Акерев Т.А. Каркырахан Великий Кыргызский каганат (Роль этнополитических факторов в консолидации кочевых племен Притяньшанья и сопредельных регионов (VIII-XIV века)). Бишкек, 2012. С. 18.

⁴⁰ Юсупов Ю.М., Схалыхо Р.А., Агджоян А.Т., Асылгузин Р.Р., Рыскулов Р.М., Сабитов Ж.М., Жабгаин М.К., Богунов Ю.В., Дибирова Х.Д., Балановская Е.В. Родовые объединения северо-восточных башкир в свете данных геногеографии (по полиморфизму Y-хромосомы) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 21. № 4 (84). Уфа: АН РБ, 2016. С. 19.

⁴¹ Волков В.Г., Харьков В.Н., Степанов В.А. Андроновская и тагарская культуры в свете генетических данных / Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова. Томск, 2012. Т. XVII. С. 147-166.

⁴² Сабитов Ж.М. О происхождении казахского рода табын / The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия): Том 4, №2, 2012. С. 13-16.

частности, неубедительной представляется доказательная база тюркской теории, недостаточно полно освещены этнические связи *табынцев* с другими родоплеменными образованиями народов Центральной и Средней Азии и Южной Сибири. Для восполнения этих пробелов требуется систематизация, обобщение и анализ имеющегося материала.

Цель исследования – комплексное изучение этапов формирования башкирского племенного объединения *табын*. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

1) рассмотреть различные гипотезы происхождения башкирского племенного объединения *табын*;

2) раскрыть этническое взаимодействие предков башкирского племенного объединения *табын* с народами Центральной Азии и Южной Сибири в свете его формирования и проследить этапы его миграции из Центральной Азии в Западную Сибирь;

3) показать этнополитическую историю башкирского племенного объединения *табын* с момента завершения его формирования до вхождения в состав российского государства, и этапы его миграции в Волго-Уральский регион.

Источниковая база исследования представлена опубликованными письменными и устными источниками, полевыми материалами, исследованиями по этнографии и истории народов Сибири и Центральной Азии, а также археологическими, антропологическими и лингвистическими данными.

Письменные источники, касающиеся истории древних и средневековых народов Центральной и Средней Азии, были почерпнуты из трудов таких авторов, как Сыма Цянь⁴³, Е. Лун-ли⁴⁴, Рашид ад-Дин⁴⁵, Абуль-Гази⁴⁶, Юсуф Баласагунский⁴⁷, Утемиш-хаджи⁴⁸, Лубсан Данзан⁴⁹, Н.Я. Бичурин⁵⁰, С.А. Козин⁵¹ и А.П. Ковалевский⁵². Также в настоящем исследовании используются данные орхоно-енисейских письменных памятников, опубликованные в работах С.Е. Малова⁵³ и И.В. Стеблевой⁵⁴.

Этнографические данные по башкирам и народам Сибири были также почерпнуты из опубликованных работ И. Пестова⁵⁵, С.И. Вайнштейна⁵⁶, Л.П. Потапова⁵⁷,

⁴³ Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. [В 9 т.]. Т. 8. / Пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, коммент. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, вступ. ст. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 2002. 510 с.

⁴⁴ Лун-ли Е. История государства киданей (Цидань Го Чжи). Пер. с кит., введ., ком. и прил. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979. 608 с.

⁴⁵ Рашид ад-Дин Фазлаллах. Сборник летописей. Т. I, кн.1. М.-Л., 1952. 222 с.; Он же. Сборник летописей. Т. I, кн.2. М.-Л., 1952. 316 с.; Он же. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. 253 с.

⁴⁶ Абуль-Гази. Родословная туркмен / пер. А.Н. Кононова. М.: АН СССР, 1958. 192 с.

⁴⁷ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.: Наука, 1983. 559 с.

⁴⁸ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

⁴⁹ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., ком. и прилож. Н.П. Шастиной. М.: Вост. Лит., 1973. 440 с.

⁵⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1; Он же. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 2. М.-Л., 1950. 333 с.

⁵¹ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т.1. М.-Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

⁵² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. 347 с.

⁵³ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.-Л.: АН СССР, 1951. 451 с.

⁵⁴ Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-VIII веков. М., 1965.

⁵⁵ Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. М., 1833. 308 с.

⁵⁶ Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд. вост. лит., 1961. 218 с.; Он же. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.

⁵⁷ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 506 с.; Он же. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 403 с.

С.Н. Шитовой⁵⁸, М.Г. Муллагулова⁵⁹, Е.Е. Никоноровой⁶⁰, Г.Н. Прокофьева⁶¹ и других авторов.

В качестве *устных источников* в исследовании используются мифы, легенды, предания и исторический фольклор, опубликованные в работах Н.Ф. Катанова⁶², Д.М. Позднеева⁶³, Г.Н. Потанина⁶⁴ и других авторов. Они фрагментарно или косвенно отражают события, связанные с вопросами формирования табынского племенного объединения. Кроме того, используется башкирский исторический фольклор⁶⁵, в особенности башкирские шежере⁶⁶, являющиеся важным устным источником, где наиболее объективно отражены исторические события, так как они являлись основным источником права башкирских родов на их земли.

Полевые материалы представлены опубликованными материалами полевых экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР 1953, 1958-1960 гг. Результаты научных экспедиций стали существенной частью башкирской исторической этнографии: более 2000 родоплеменных этнонимов, 3000 тамг, около 250 генеалогий и генеалогических преданий⁶⁷. Однако наиболее информативной для настоящего исследования явились материалы этнографической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в составе Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова, С.Н. Шитовой, Г.И. Мухаметшина и М.В. Суриной, совершённой в 1959 г. в Челябинской и Курганской областях⁶⁸. Данной экспедицией был собран обширный полевой материал, обработка и публикация которого стала самым глубоким и всесторонним изучением зауральских башкир, в том числе башкирских *табынцев*.

При участии в научных комплексных этнографо-антропологических экспедициях отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН автором был произведен сбор полевого материала по теме исследования в районах компактного проживания башкирских *табынцев* – в Самарской и Саратовской областях под руководством к.и.н. Р.М. Юсупова (2010 г.), в районах Республики Башкортостан и Оренбургской области под руководством к.и.н. М.М. Маннапова (2014 г.).

Однако собранные экспедиционные материалы не позволяют ответить на основные вопросы формирования башкирского племенного объединения *табын*. Отсутствие данных, касающихся темы диссертационного исследования рассматриваемого периода (до вхождения объединения *табын* в состав России), не введённых в научный оборот, наблюдается и в архивах⁶⁹.

В связи с этим, значительную долю источниковой базы составили работы по этнографии и истории народов Сибири и Средней Азии Г.Ф. Миллера⁷⁰, И.Е. Фишера⁷¹,

⁵⁸ Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир. С. 49-94.

⁵⁹ Муллагулов М.Г. Башкирские лыжи / Этнография Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 118-135.

⁶⁰ Никонорова Е.Е. Орнамент счетной вышивки башкир. – Уфа: Гилем, 2002. 237 с., 10 с. цв. илл.

⁶¹ Прокофьев Г.Н. Этнография народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) / Советская этнография. Вып. III. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 67-76.

⁶² Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях / Записки ИРГО по отделению этнографии. Том XXXIV, «Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина». СПб., 1909 г., отд. оттиск: тип. В.С. Киргибаума. С. 265-288.

⁶³ Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров. – СПб, 1899. – 162 с.

⁶⁴ Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки / Живая старина, год XXV, вып. 2-3. Пг., 1916.

⁶⁵ Башкирское народное творчество: Предания и легенды. Т. II. / Сост., автор вступ. статьи и ком. Ф.А. Надршина. Уфа, 1987. 576 с.; Башкирское народное творчество. Исторический эпос. Т. X. Уфа, 1999.

⁶⁶ Башкирские родословные / Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; Науч. рук. Р.Г. Кузеев. Уфа: Китап, 2002. 480 с. + 4 с. вкл.

⁶⁷ Кузеев Р.Г. Этногенетика башкир (к вопросу об этнографическом источниковедении) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / ред. Плетнева Л.М. Томск: ТГУ, 1981. С. 28-30.

⁶⁸ Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры...

⁶⁹ НА УНЦ РАН. Фонд № 3. Оп. 2. Ед.хр. 455 (Фонд ИИЯЛ); Фонд № 116. Оп. 1. Ед.хр. 63/13 (Фонд личного происхождения Р.Г. Кузеева). ЦГАОО РБ. Фонд № 122. Оп. 25. ЦГИА РФ. Фонд № 1350. Оп. 56.

⁷⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 630 с.: ил., карта.

В.В. Радлова⁷², А.И. Левшина⁷³, Ч.Ч. Валиханова⁷⁴ и других авторов. А также введенные в научный оборот переводы китайских и арабо-персидских источников – труды В.В. Бартольда⁷⁵, Ю.А. Зуева⁷⁶, Н.В. Кюнера⁷⁷, Е.И. Кычанова⁷⁸, О.К. Караева⁷⁹, А.Г. Малявкина⁸⁰ и других авторов. Из зарубежной литературы используются работы О. Шотта⁸¹, Ю.Г. Клапрота⁸², О. Прицака⁸³, А. Рона-Таша⁸⁴, Дж. Клосона⁸⁵, где проблемы происхождения и этнической истории средневековых объединений Южной Сибири и Центральной Азии рассматриваются на основе многих источниковых материалов.

Археологические и антропологические данные. Этнические связи башкирских *табынцев* с южносибирскими народами, этнический состав древнего населения Южной и Западной Сибири, а также Центральной Азии возможно проследить на основе палеоантропологических и антропологических материалов.

Археологические материалы использованы из работ С.В. Киселева⁸⁶, Л.Р. Кызласова⁸⁷, М.Х. Маннай-оол⁸⁸, Н.Л. Членовой⁸⁹, В.А. Могильникова⁹⁰, В.Ф. Генинга⁹¹, А.И. Мартынова⁹², Э.Б. Вадецкой⁹³, Е.Е. Кузьминой⁹⁴, С.Г. Боталова⁹⁵, Н.А. Мажитова, Г.Н. Гарустовича⁹⁶ и В.А. Иванова⁹⁷. Антропологические данные

⁷¹ Фишер И.Е. Сибирская история. СПб, 1774. 631 с.

⁷² Радлов В.В. К вопросу об уйгурах / Зап. импер. акад. наук, Т.72. СПб., 1893. 130 с.; Он же. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. К.Д. Цивинной и Б.Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 749 с.

⁷³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 2009. 656 с.

⁷⁴ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. Алма-Ата: АН КССР, 1961. 646 с.

⁷⁵ Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973. 725 с.

⁷⁶ Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств / Труды ИИАЭ АН КазССР, Т.8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 93-140.

⁷⁷ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

⁷⁸ Кычанов Е.И. Сведения в "Юань-ши" о переселениях кыргызов в XIII в. / Известия Академии наук Киргизской ССР. Т.V. Вып.1. Фрунзе, 1965. С. 59-65.

⁷⁹ Караев О.К. Арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе: Илим, 1968. 104 с.

⁸⁰ Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 432 с.

⁸¹ Schott W. Uber die achten Kirgisen // Abhandlungen der Koniglichen Preusischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1864. S. 432-461.

⁸² Klaproth J. Sur quelques antiquites de la Siberie // Journal Asiatique. Paris, 1823. Vol. 2.

⁸³ Prutsak O. Karachanidische Streitfragen // Oriens/ Bd 3, №2. Leiden, 1950. S. 209-228; Prutsak O. Die Karachaniden // DI. XXXI. 1953. S. 17-68.

⁸⁴ Рона-Таш А. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. Пер. с венг. Е.А. Бочарниковой. Пред. и ред. И.Я. Златкина. М.: Прогресс, 1964. 311 с.

⁸⁵ Clauson G. An etymological dictionary of pre Thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

⁸⁶ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 635 с.

⁸⁷ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.; Он же. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 211 с.; Он же. История Южной Сибири в средние века. М.: Высш. шк., 1984. 167 с.

⁸⁸ Маннай-оол М.Х. Археологические памятники Тувы. Кызыл: Тувкнигиздат, 1964. 48 с. Он же. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 118 с.

⁸⁹ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

⁹⁰ Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. / АЭБ. Т.IV. Уфа, 1971. С. 151-157.

⁹¹ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 270-276.

⁹² Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1979. 208 с.

⁹³ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

⁹⁴ Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с., ил.

⁹⁵ Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье. Раздел IV / Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. с. 207-430.

⁹⁶ Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры / Археология и этнография Башкирии. Т.II. Уфа, 1964. С. 101-110; Мажитов Н.А., Гарустович Г.Н. Башкортостан в составе Золотой Орды / История башкирского народа. Т.II. Уфа: Гилем, 2012. С. 171-194.

почерпнуты из исследований С.И. Руденко⁹⁸, А.И. Ярхо⁹⁹, Г.Ф. Дебеца¹⁰⁰, В.Г. Гинзбурга, Т.А. Трофимовой¹⁰¹, В.П. Алексеева, И.И. Гохмана¹⁰², М.С. Акимовой¹⁰³ и Р.М. Юсупова¹⁰⁴. К антропологическим изысканиям можно отнести труды Г.Л. Хить¹⁰⁵ и Н.А. Суворовой¹⁰⁶.

Данные лингвистики получены из публикаций Н.А. Баскакова¹⁰⁷, Э.Дж. Пуллиблэнк¹⁰⁸, В.В. Напольских¹⁰⁹, Р.Р. Тенишева¹¹⁰, Ф.Г. Хисамитдиновой¹¹¹, В.М. Надеяева¹¹², О.А. Мудрака¹¹³, Е.А. Хелимского и И.Ч. Надь¹¹⁴. Авторы раскрывают вопросы истории и развития тюрко-монгольских и финно-угро-самодийских языков, что представляет определённое значение в решении поставленных задач исследования.

Методологическую основу исследования составили системный подход, принципы историзма и исторической объективности. Системный подход позволил процесс формирования башкирского племенного объединения *табын* рассмотреть как целостное явление. Объективность полученных выводов создавалась благодаря изучению и сопоставлению различных источников, мнений и гипотез, при этом максимально избегая односторонней оценки анализируемых событий и явлений. Для решения поставленных задач были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, описание, сравнение и другие), так и специальные исторические методы (описательный, историко-генетический, проблемно-хронологический, синхронный и сравнительно-исторический и другие).

Проблема формирования башкирского племенного объединения *табын* (V-XII вв.) в работе изучается в контексте истории этнополитических образований Центральной Азии. При этом вопросы этнополитической истории объединения *табын* в Западной Сибири (XII-XVIII вв.) рассматриваются как процесс, неотделимый от сложения единого башкирского этноса.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка рассмотрения всех имеющихся гипотез происхождения, формирования и этнополитической истории башкирского племенного объединения *табын*. В исследовании систематизированы и обобщены в единую концепцию разрозненные сведения,

⁹⁷ Иванов В.А. Путиями степных кочевий. Уфа, 1984. 136 с., ил.; Он же. Формирование башкирского этноса // История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX в. Уфа: Китап, 1996. С. 91-100.

⁹⁸ Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. I. Физический тип башкир. 312 с.

⁹⁹ Ярхо А.И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 148 с.

¹⁰⁰ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.: АН СССР, 1948. 392 с.

¹⁰¹ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.

¹⁰² Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 198 с.

¹⁰³ Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.; Она же. Антропологические исследования в Башкирии / Антропология и геногеография. М., 1974. С. 77-97.

¹⁰⁴ Юсупов Р.М. Краниология башкир; Он же. Антропологический состав башкир и его формирование / Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 21-44.

¹⁰⁵ Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983. 280 с.

¹⁰⁶ Суворова Н.А. Изучение дерматоглифики башкир / Этнография и антропология в Башкортостане. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2001. С. 136-141.

¹⁰⁷ Баскаков Н.А. Тюркские языки. М, 1965.

¹⁰⁸ Пуллиблэнк Э.Дж. Язык сюнну / Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986.

¹⁰⁹ Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.: с илл.

¹¹⁰ Тенишев Э.Р. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР) / Избранные труды. Книга вторая. Уфа: Гилем, 2006. С. 97-107.

¹¹¹ Хисамитдинова Ф.Г. Об этнической обусловленности... С. 68-82.

¹¹² Надеяев В.М. У истоков тувинского языка / Исследования по тувинской филологии. – Кызыл, 1986. – С. 53-63.

¹¹³ Мудрак О.А. Место башкирского языка в кыпчакской подгруппе тюркских языков / История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. С. 333-339.

¹¹⁴ Хелимский Е.А., Надь И.Ч. Самодийские языки / Сородичи по языку. Будапешт, 2000. С. 345-362.

отражающие процесс происхождения, формирования и этнополитической истории объединения *табын*.

Теоретическая значимость данной диссертационной работы заключается в том, что впервые проводится специальное исследование по происхождению, формированию и этнополитической истории башкирского племенного объединения *табын*, так как до этого оно изучалось только в контексте этногенеза единого (всего) башкирского народа. Кроме того, в настоящей работе, в отличие от предшественников, впервые используются этногенетические исследования и активно – археологические. Привлечение данных материалов позволяет объяснить столь обширную область распространения табынских родов в разных башкирских этнотерриториальных группах.

Благодаря развитию концепции Р.Г. Кузеева об этнических связях башкирских *табынцев* с *усунями* и использованию этногенетического метода, впервые обосновывается индоиранская гипотеза происхождения башкирских *табынцев*. Кроме того, на основе письменных источников, опубликованных археологических работ и современных научных исследований предлагается новый взгляд на формирование башкирского племенного объединения *табын*. Показаны этнические связи башкирских *табынцев* с племенами Уйгурского, Кыргызского, Караханидского и Кимакского каганатов, что позволило дать более точную картину их миграции из Центральной Азии в Зауралье и Волго-Уральский регион.

Исследование расширяет исторические знания об этнокультурных процессах, происходивших в Евразии, а также дополняет данные об этногенезе башкирского народа.

Практическая значимость заключается в систематизации имеющихся и выявленных вновь источников и методов по проблемам происхождения, формирования и этнополитической истории башкирского племенного объединения *табын*. Диссертационная работа может быть использована при написании обобщающих работ по этнографии и истории башкир.

Результаты работы могут быть использованы для сравнительного анализа при проведении исследований по этнической истории народов Волго-Уральского региона, Южной и Западной Сибири, Средней и Центральной Азии. Кроме того, они могут найти применение в преподавательской деятельности, при разработке курсов и учебных пособий по этнографии и истории башкир.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Тюркская гипотеза происхождения башкирского племенного объединения *табын* имеет слабую аргументацию, так как она может свидетельствовать и в пользу монгольской гипотезы. Угро-самодийская и индоиранская гипотезы выводят объединение *табын* к древнему населению Южной Сибири, к носителям *тагарской* археологической культуры, связываемой исследователями с *динлинами* из китайских источников.

2. Этноним «табын» восходит к древнему этнониму «дубо» («туба», «тубин» и т.д.), получившему широкое распространение в Саяно-Алтайском регионе, и отмечаемого в источниках как племя *дубо* («Уч-Табын») в составе телеского объединения.

3. Формирование башкирского племенного объединения *табын* было связано с этническим взаимодействием племён Южной Сибири и Центральной Азии. Сложение объединения *табын* происходило в период Уйгурского, Кыргызского и Караханидского каганатов.

4. Миграция ядра башкирского племенного объединения *табын* с Саяно-Алтайского региона сначала на Чёрный Иртыш, а затем в районы Семиречья, была связана с движением племён Кыргызского каганата в IX-X вв.

5. Переход башкирского племенного объединения *табын* из Семиречья в Прииртышье произошёл в XI в. во времена караханидских походов против некоторых тюркских племён. Двигаясь вдоль Иртыша, *табынцы* достигают южной части Западной Сибири, где к середине XII в. они становятся крупным племенным объединением, отмечаемым на карте Идриси под названием «Tabüni» («Табуния»).

6. Этническое взаимодействие племенного объединения *табын* с башкирскими родоплеменными образованиями началось в домонгольское время на территории южной части Западной Сибири в бассейне Иртыша.

7. Появление башкирского племенного объединения *табын* в Волго-Уральском регионе происходило поэтапно. Отмечаются два крупных перехода. Первая волна прошла в эпоху монгольского владычества в XIII-XIV вв. В то время *табынцы*, кочевавшие на Иртыше, освоили Южное Зауралье и весь Северный Башкортостан, вплоть до Камы. Вторая волна была связана с утратой в Западной Сибири власти Шибанидов в конце XV – начале XVI веков. С этой волной было связано появление *табынцев* в Центральной Башкирии.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность исследования определяется широкой *источниковой базой*, представленной опубликованными письменными и устными источниками, полевыми материалами, исследованиями по этнографии, археологическими, антропологическими и лингвистическими данными. Диссертационное исследование обсуждалось на заседании отдела этнологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Результаты работы были представлены на международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научных и научно-практических конференциях. Теоретические положения и выводы диссертационной работы апробированы в 31 научной публикации в том числе 3 – в научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Диссертационная работа обсуждена на заседании отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Структура исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, приложения, таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* дается краткая характеристика башкирских *табынцев*. Обоснованы актуальность темы исследования, её научная новизна, выбор объекта и предмета исследования, определены цель и задачи работы, хронологические и территориальные рамки, методология исследования; характеризуются степень изученности проблемы в историографии и основные источники настоящей работы.

Первая глава «Вопросы происхождения башкирского племенного объединения табын» посвящена рассмотрению всех имеющихся в науке гипотез происхождения племени *табын*. Произведена попытка критического анализа закрепившейся в науке тюркской гипотезы. При этом подробно рассматриваются практически нераскрытые гипотезы (монгольская, угро-самодийская и индоиранская).

В *параграфе 1.1 «Тюркская и монгольская гипотезы»* анализируются гипотезы происхождения башкирского племени *табын*. Объединение в один параграф указанных теорий обусловлено тем, что аргументы тюркской гипотезы, представляемые исследователями, могут свидетельствовать и в пользу монгольской. Так, концепция тюркского происхождения башкирских *табынцев*, разработанная Р.Г. Кузеевым, основывается на родстве *табынцев* с казахскими *дулатами*, с которыми у башкирских *табынцев* прослеживаются общие черты: основной тип тамги, общая генеалогия и другие особенности. Однако установление родства *табынцев* с *дулатами*, для утверждения тюркской гипотезы происхождения *табынцев* не является веским доводом, так как *дулаты*, по мнению некоторых исследователей, изначально могли являться монгольским этническим образованием. Далее в качестве аргумента тюркской гипотезы исследователи

этноним «табын» сопоставляют с этнонимом «та-табы» из орхоно-енисейских памятников. Но *та-табы*, как известно, относятся к древнемонгольскому этническому миру. Таким образом, монгольская, а если быть более точным – древнемонгольская гипотеза происхождения *табынцев* в сравнении с тюркской выглядит более убедительно.

В параграфе 1.2 «Угро-самодийская гипотеза» раскрывается гипотеза, основывающаяся на наличии у башкирских *табынцев* угро-самодийской этнонимии. Кроме того, при рассмотрении выдвинутой некоторыми исследователями гипотезы о средневековом объединении *дубо* в составе союза *теле* как о предках башкирских *табынцев*, выясняется, что большинство исследователей относят *дубо* к самодийскому этническому образованию. Это говорит в пользу предположения, выдвинутого В.И. Васильевым и С.Н. Шитовой о возможной связи башкирских *табынцев* с самодийской этнической средой.

В параграфе 1.3 «Индоиранская гипотеза» представлены свидетельства известных этнических связей башкирских *табынцев*, как и *дулатов*, со средневековыми *усунями*, которых ряд исследователей связывают с индоиранским этническим миром. Этот аргумент усиливается результатами генетических исследований (по полиморфизму Y-хромосомы), по которым основной гаплогруппой (60 %) представителей башкирского племенного объединения *табын* – является **R1a**, получившей наибольшее распространение среди индоевропейских народов. Генетика башкирских *табынцев* сближается с *тагарской* археологической культурой, существовавшей в I тыс. до н.э. в Южной Сибири. Данная культура, по мнению исследователей, тождественна *динлинам* из китайских источников. Исследователями второй половины XIX – первой половины XX вв. *динлины* считались предками *усуней*, что, таким образом, согласуется с происхождением башкирских *табынцев* от индоиранских племён Южной Сибири.

Вторая глава «Проблема формирования башкирского племенного объединения *табын*» посвящена этническому взаимодействию племён Центральной Азии и Южной Сибири в I тыс. н.э., заложивших основы для формирования башкирского племенного объединения *табын*.

В параграфе 2.1 «Этноним *табын*» анализируются вопросы происхождения этнонима, решение которых способствует пониманию процесса формирования объединения *табын*. Кроме указанной версии Р.Г. Кузеева о тюрко-монгольском происхождении этнонима «табын» от средневековых *та-табов*, показывается другой вариант этимологии рассматриваемого этнонима в связи с древним народом *дубо* (*дабо*), обитавшим в Монголии и входившим в состав телеского племенного объединения.

Предположительно этноним «дубо» проник на Саяно-Алтай в конце III в. н.э. с древнемонгольским народом *тоба*, завоевавшим такие племенные союзы, как *теле* и *усунь*. Но, несмотря на то, что впервые этноним стал известен по имени сяньбийского народа *тоба*, его семантика может быть связана с корневой основой кетского слова «табаң» («лес»), которая служила обозначением различных по этническому происхождению племён, расселявшихся в горно-таёжных районах Южной Сибири. Таким образом, происхождение этнонима «табын» связывается с древними этнонимами «тоба» и «дубо», которыми обозначалось лесное население Саяно-Алтайского нагорья.

В параграфе 2.2 «Древние этнические контакты объединения *табын*» рассматриваются этнические контакты объединения *табын*. Выделены южно-сибирский, связанный с индоиранским и прасамодийским субстратами, древнемонгольский и древнетюркский («теле-уйгурский») пласты. В I тыс. до н.э. происходило этническое взаимодействие индоиранских племён с угро-самодийскими образованиями, приведшее к сложению полисемантического объединения «тагарцев-динлинов». Древнемонгольский пласт характеризуется взаимодействием монголоязычных племён с *динлинами*. Исходя из того, что в начале VII в. в составе союза *теле* отмечаются монголоязычные «белые си» (*хи*) – *байси*, выдвигается гипотеза, что данный союз образовался на основе двух этнических групп: смешанной (индоиранский и угро-самодийский субстраты), лёгшей в

основу *динлинов* из китайских источников (некоторыми исследователями этноним «бай» считается «динлино-самодийским»), и древнемонгольской («си» или «та-табы»). Как показывают генетические исследования, в отличие от башкирских *табынцев*, у которых доминирует гаплогруппа **R1a**, у казахских *табынцев* превалирует «монгольская» гаплогруппа **C**, из чего автор выдвигает предположение, что такая генетика может быть связана с древними *та-табами*. Переход на север крупной группы племён *теле* в конце IV в. из Китая изменил этническую карту Центральной Азии. В этот период начинает распространяться тюркский язык среди населения Монголии и Южной Сибири.

В связи с этим, предположительно, в основу исследуемого объединения легли три группы: европеоидные «динлино-усуни» (до III в. н.э.), сложившиеся из древнего населения Южной Сибири – *угро-самодийцев* и *индоиранцев*, древнемонгольское объединение *та-табы* и группы из тюркоязычных племён *теле*.

В параграфе 2.3 «Формирование объединения *табын*» показано формирование объединения *табын* как общий процесс сложного этнического взаимодействия населения Саяно-Алтайского нагорья VIII-IX вв., что нашло отражение в *табынской* этнонимии. Этнонимия башкирских *табынцев* имеет полную аналогию среди кыргызской родоплеменной организации, с той её частью, происхождение которой было связано с территорией Саяно-Алтайского нагорья (VIII-IX вв.). Этнонимические параллели между башкирскими *табынцами* и современными кыргызами раскрывает важный этап их общей этноисторической судьбы, когда их предки в эпоху каганатов находились на Саяно-Алтае и в Западной Монголии. При изучении этнополитической истории *дубо*, выдвигается предположение, что начало формирования *табынского* союза было связано с периодом существования Уйгурского каганата, которое продолжилось в Кыргызском каганате. Таким образом, территория Саяно-Алтая и Северной Монголии стала колыбелью крупного этнополитического образования *табынцев*, где было положено начало его формирования.

В параграфе 2.4 «Обретение родины» рассмотрен поэтапный переход объединения *табын* из Саяно-Алтая в южную часть Западной Сибири. Переход *табынцев* с Саяно-Алтая в Западную Монголию на Чёрный Иртыш в конце IX в. произошёл в связи с экспансией *енисейских кыргызов* в западном направлении. В то время происходит разделение *енисейских кыргызов*, в том числе и *табынцев*, и часть военных отрядов появляется в Западной Сибири и доходит до Южного Урала. Однако основная часть башкирского племенного объединения *табын* остаётся на Чёрном Иртыше, где была связана с кимакской областью «Каркарахан» в Восточном Казахстане, которую составили саяно-алтайские племена, сдвинутые на Иртыш в период Кыргызского каганата.

Переход объединения *табын* в X в. в Семиречье был связан с движением *караханидов*. О связях указанных групп свидетельствует наличие в генеалогии *табынцев* имён первых правителей Караханидского каганата («Кара-хан», «Богра-хан», «Арслан-хан» и др.). В первой половине XI в. *табынцы*, принимая участие в военных походах *караханидов*, наносят поражение *кипчакам*, *кунам*, *каи* и *басмалам*. Разбитые племена уходят на запад, в связи с чем автор выдвигает предположение о переходе *табын* из Семиречья в Прииртышье в середине XI в. В тот период, вторая половина XI – начало XII вв., происходит заключительный этап формирования башкирского племенного объединения *табын*, когда включаются в его состав племена *кувакан*, *сырзы*, *бишул*, *бадрак* и *кумрук*.

Третья глава «Вопросы этнополитической истории башкирского племенного объединения *табын* (XII – XVIII вв.)» посвящена активному участию башкирских *табынцев* в процессах, протекавших в южной части Западной Сибири, и их миграция в Волго-Уральский регион.

В параграфе 3.1 «К вопросу создания этнополитической структуры объединения *табын* в Западной Сибири» представлено начало взаимодействия объединения *табын* с башкирскими родоплеменными образованиями Западной Сибири. После потери власти

караханидами в Семиречье в первой половине XII в. *табынцы* перестают быть зависимыми от Баласагуна и участвуют в создании новой политической структуры в Западной Сибири, позволившей им совместно с усуньскими образованиями, активно конкурировать с *кипчаками* за влияние в степной полосе. По фольклорным данным башкирские *табынцы* на Иртыше смогли объединить вокруг себя ряд племён и родов, установив тесные контакты с другими башкирскими племенами Западной Сибири и Зауралья.

В параграфе 3.2 «К вопросу вхождения объединения *табын* в Монгольскую империю» раскрывается вопрос о появлении башкирского племенного объединения *табын* в Зауралье и на Южном Урале. Показывается необоснованность мнения Р.Г. Кузеева о переходе башкирских *табынцев* на Южный Урал, а затем в Зауралье из степей Западного Казахстана из этнической среды казахских племён. По многим показателям, в первую очередь по археологическим данным, устанавливается переход *табынцев* из южных областей Западной Сибири, что согласуется с мнением С.И. Руденко, считавшего, что *табынцы* ещё в домонгольское время относились к башкирским племенам.

В параграфе 3.3 «Переход объединения *табын* в Волго-Уральский регион» изучается этнополитическая история башкирского племенного объединения *табын* в период Монгольской империи. Исходя из того, что «родоначальник» *табынцев* и *усуней* Майкы-бий предположительно являлся Хорчи-Усунем из «Сокровенного сказания», *табынцы*, в отличие от других башкирских племенных образований, переходят на сторону монгольских завоевателей. Они были встроены в монгольскую улусную систему, находясь в улусе Шибана, и участвовали в военных походах монголов. В этот период *табынцы* начинают распространять своё влияние на население Южного Урала.

В параграфе 3.4 «Объединение *табын* накануне вхождения» исследуется этнополитическая история башкирского племенного объединения *табын* накануне вхождения в состав Российского государства. Показаны взаимоотношения башкирских *табынцев* с Казанским и Сибирским ханством. Восточные (зауральские) башкирские *табынцы* последними из башкирских родоплеменных образований принимают подданство русских царей в конце XVII в., так как до этого они служили «шейбанидам» Кучумовичам. Кроме того, раскрывается участие племенной верхушки казахских и башкирских *табынцев* в процессе вхождения Младшего жуза казахов в состав России, что является свидетельством крепких связей башкирских и казахских *табынцев*, очевидно желавших находиться в одной политической плоскости.

В *Заключении* подведены основные итоги проведенного исследования, сформулированы следующие выводы и обобщения: Доминирующая в научных работах тюркская гипотеза происхождения объединения *табын* не обладает весомыми аргументами, приведенными исследователями, так как они могут свидетельствовать и в пользу древнемонгольской гипотезы. Из всех рассмотренных гипотез происхождения *табынцев* наиболее обоснованными представляются угро-самодийская и индоиранская гипотезы, по которым ядро башкирских *табынцев* образовалось в Южной Сибири в I тыс. до н.э. Такой вывод был получен в результате сопряжения этногенетических и археологических данных. Анализ костного материала представителей *тагарской* археологической культуры в Южной Сибири показал их этническую близость к современным башкирским *табынцам*. Таким образом, известные связи башкирских *табынцев* с угро-самодийским этническим миром могут объясняться этническим взаимодействием их предков в рамках *тагарской* культуры, которая представляла собой синтез индоиранских и угро-самодийских этнических обществ. При изучении различных интерпретаций этнонима «табын» выявлена наиболее вероятная гипотеза его происхождения от известного в Южной Сибири этнонима «дубо» («дабо», «туба»), носители которого обитали в средневековье и продолжают обитать в настоящее время («туба», «тува», «тубалары», «тубинцы» и др.) на Саяно-Алтайском нагорье. Семантика

указанных этнонимов, по мнению специалистов, может объясняться с позиции различных языков: тюркского – «род, племя» или «гора», монгольского – «пять», самодийского – «человек» и кетского – «лесные (люди)». Последний вариант, по нашим выводам, выглядит более обоснованным. Начало формирования племенного объединения *табын* произошло на территории Южной Сибири и Северной Монголии в недрах теле-уйгурского и кыргызского кочевых объединений в VIII-IX вв. н.э. На Саяно-Алтайском нагорье племя *табын* составили роды *кара-табын*, *теляу-табын*, *кубалак-табын*, *кесе-табын* и *кальсер-табын*, возможно *барын-табын* и *дуван-табын*. Завершающий этап формирования объединения *табын* относится к XII в., когда на Иртыше в качестве отдельных племён в табынский союз вошли *куваканцы*, *сырзинцы*, *бишульцы*, *бадракцы* и *кумруки*. Миграция ядра башкирского объединения *табын* начинается с VIII в., когда *табынцы* в составе «теле-уйгурского» завоевательного движения из Северной Монголии и Северо-Восточной Тувы переходят на территорию Центральной и Западной Тувы, а затем Монгольского Алтая, на Чёрный Иртыш. В X в. табын переходит в Семиречье, где принимает участие в караханидском подъёме, в XI в. в качестве караханидской военной силы появляется в Прииртышье, а в XII в., двигаясь по Иртышу на северо-запад, приходит в южные степи Западной Сибири. В XIII-XIV вв., оставаясь на территории Западной Сибири, частью расселяется в Зауралье и на Южном Урале. Следующий переход *табынцев* в Волго-Уральский регион был связан с политическими событиями в Западной Сибири и приходится на XV-XVI вв. В Западной Сибири на Иртыше крупное объединение *табын* вступает в этническое взаимодействие с другими башкирскими этническими образованиями в XII в.. Время окончания формирования башкирского племенного объединения *табын* в Западной Сибири знаменует начало его этнополитической истории. Выступая субъектом в политических процессах, башкирские *табынцы* входят в Монгольскую империю, затем в Сибирское и Казанское ханства, и затем в период, охватывающий конец XVII – первую половину XVIII вв., – в состав Российского государства. Их этнополитическая история XIII-XVII вв. характеризуется миграцией из Западной Сибири в Волго-Уральский регион.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журнале, рекомендованном ВАК для публикации результатов диссертационных работ:

1. Сальманов А.С. История башкирского племени тунгаур: приаральский период (VIII-IX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. Вып. 4/2 (72/2). Барнаул, 2011. С. 183-186.
2. Сальманов А.С. К истории происхождения башкирского рода кара-табын // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. №3 (71). Уфа, 2014. С. 184-188.
3. Сальманов А.С. К вопросу происхождения башкирского рода дуван-табын // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. №1 (75). Уфа, 2015. С. 225-229.

Публикации в других научных изданиях:

4. Сальманов А.С. Отражение исторической действительности в преданиях и легендах о племени табын // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 2. Тезисы докладов V Всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 года. Уфа: Вилли Окслер, 2006. С. 202-205.
5. Сальманов А.С. К вопросу о возникновении и становлении башкирского этноса // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию С.Н. Шитовой. Уфа, 22 декабря 2006 года. Уфа: Гилем, 2006. С. 72-74.

6. Сальманов А.С. Об использовании фольклорных источников в изучении этнической истории // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (г. Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа: Гилем, 2007. С. 232-233.

7. Сальманов А.С. К изучению башкирского фольклора как исторического источника // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: Гилем, 2007. С. 188-190.

8. Сальманов А.С. К вопросу о возникновении и становлении башкирского этноса по данным фольклора // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции. Вып.3. ч.1. (г. Абакан, 2007 г.). Абакан, 2007. С. 248-253.

9. Сальманов А.С. К изучению истории башкирского племени тангаур // Урал–Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. Т.II. История. Философия. Социология. Фольклористика. Искусствознание. С. 194-197.

10. Сальманов А.С. О древнем родстве некоторых башкирских племён // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья: Сборник материалов / Отв. ред. Ф.Г. Галиева // Межрегион. науч.-практ. конф. 24 октября 2008 г. Уфа: Центр этнологических исследований, 2008. С. 161-178.

11. Сальманов А.С. Об алтайских корнях башкирских племён тунгаур, тамьян и табын // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: Сборник научных трудов молодых учёных ИИЯЛ УНЦ РАН. Вып. 3. Уфа: Деловая династия, 2008. С. 206-217.

12. Сальманов А.С. Исторические корни башкир племени усерган // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания «История башкирского народа» (г. Сибай, 27–29 мая 2009 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 90-94.

13. Сальманов А.С. История возникновения этнонима «Башкорт» // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов (г. Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 403.

14. Сальманов А.С. Башкирское родоплеменное объединение табын и его исторические корни // Урал–Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвящённой III Всемирному курултаю башкир. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. Т.II. История. С. 224-228.

15. Сальманов А.С. К истории происхождения племенного объединения табын // Духовность и красота как явление культуры в образовательном процессе: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Д.Ж. Валеева и 90-летию К. Киньябулатовой (г. Челябинск, 22-23 октября 2010 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 349-354.

16. Сальманов А.С. Приход табынцев в Зауралье и на Южный Урал // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти Рината Мухаметовича Юсупова. г. Уфа, 17-19 ноября 2011г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 253-257.

17. Сальманов А.С. К истории происхождения башкирского рода барын-табын // Труды Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Вып. V. Уфа, 2011. С. 259-263.

18. Сальманов А.С. Башкирские племена кувакан и сырзы // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвящённой 80-летию Учреждения Российской академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. Кн. 2. С. 104-108.

19. Сальманов А.С. Башкирские роды дуван-табын и сарт-табын // «Кадырбаевские чтения – 2012». Материалы III Международной научной конференции. Актюбе, 2012. С. 484-486.

20. Сальманов А.С. К происхождению башкирских племён бишул, бадрак и кумрук // Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археологии: к 85-летию академика АН РБ, профессора Г.Б. Хусаинова: Материалы международной научно-практической конференции (10 апреля 2013 г., Уфа) / Сост.: Г.Х. Абдрафикова, отв. ред. М.Х. Надергулов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 283-284.

21. Сальманов А.С. Время перехода племенного объединения табын из Алтайского нагорья на Иртыш // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов (г. Москва, 2–5 июля 2013 г.). М.: ИЭА РАН, 2013. С. 239.

22. Сальманов А.С. Караханидский каганат и его влияние на табынцев // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013. С. 131-133.

23. Сальманов А.С. Духовная культура древних жителей Центральной Азии и вопросы общности в традициях современных народов Сибири и башкир // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 323-327.

24. Сальманов А.С. Движение башкирских табынцев в Волго-Уральском регионе в XIII-XVI вв. // Этногенез. История. Культура: Вторые Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти Рената Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 13 ноября 2014 г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 238-242.

25. Сальманов А.С. К проблеме происхождения этнонима «табын» // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвёртые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа: Полиграфсервис, 2015. С. 97-99.

26. Сальманов А.С. Караханиды и карлуки: к истории формирования башкирского племенного объединения табын // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвящённого 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-заки Валиди Тогана. Книга 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 136-140.

27. Сальманов А.С. К вопросу о семантике этнонима «табын» // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвящённой 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 155-158.

28. Сальманов А.С. Индоиранская гипотеза происхождения башкирских табынцев // Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвящённой 75-летию профессора Р.З. Янгузина (г. Уфа, 15-16 ноября 2016 г.) / отв. ред. Б.А. Азнабаев, М.Н. Сулейманова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 152-163.

29. Сальманов А.С. К вопросу о времени вхождения восточнотабынской группы башкир в состав российского государства // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 369-370.

30. Сальманов А.С. Индоиранская гипотеза происхождения башкирских табынцев в свете генетических и археологических данных // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3-6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С.52.

31. Сальманов А.С. К проблеме происхождения башкирских табынцев / А.В. Псянчин А.В., А.С. Сальманов // Новая наука: опыт, традиции, инновации: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (12 августа 2016 г., г. Омск). / в 2 ч. Ч.2. – Sterlitamak: АМИ, 2016. С. 87-89. В соавторстве (д.г.н. Псянчин А.В.).